

18+

СТАНЦИЯ

Александр Солбыгашев

СТАНЦИЯ

«Автор»

2026

Солбыгашев А. В.

СТАНЦИЯ / А. В. Солбыгашев — «Автор», 2026

Добро пожаловать на «СтарМун». Здесь вы умрёте не от вакуума. 2150 год. Лунная станция «СтарМун» — флагман новой эры человечества. 150 колонистов, учителя, врачи, инженеры, агрономы летят сюда, чтобы построить общество будущего. Но никто из них не знает, что вместе с ними на Луну доставили груз, способный уничтожить всё, что они строят. Вирус переписывает ДНК, превращая людей в агрессивную нежить, которая помнит, кем была. И когда станция превращается в ловушку, выжившие оказываются между тремя огнями: разумными зомби, предательством внутри команды и тайной, которую скрывает от них Луна. Шериф Анна Лаврова знает только одно: чтобы спасти своих людей, ей придётся заглянуть туда, куда ей не положено.

© Солбыгашев А. В., 2026

© Автор, 2026

Александр Солбыгашев

СТАНЦИЯ

ПРОЛОГ

Земля, 2150 год. Где-то в недрах Скандинавских гор. Засекреченный командный бункер «Гранит».

Стены его давили сыростью. Бетонные плиты, облицованные матовой краской, покрылись тонкой сетью трещин, а кое-где краска вздулась пузырями, словно кожа древнего больного. Воздух, густой и спертый, был пропитан тремя вечными запахами: озоном, исходящим от старой проводки, машинным маслом и затхлой сладостью вековых архивов — тем специфическим амбре, что неизменно сопровождает любую тайну. Над единственным столом, тяжелым, как надгробная плита, мерцала длинная лампа дневного света. Она гудела на едва слышимой, раздражающей ноте, и ее бледно-зеленоватый свет вырезал из полумрака три осунувшиеся фигуры, делая их лица похожими на маски.

На столе из черного дуба, отполированного до зеркального блеска, стояли три стакана с давно остывшим кофе, сиротливо белела пепельница, и лежал один-единственный лист бумаги. На листе — два слова. Вертикально: «СтарМун». Чуть ниже, мелким шрифтом: «Генетический резерв». И больше ни строчки.

За столом сидели трое, и тишина между ними была тяжелее бетонных перекрытий.

Женщина с серебряной нитью в седых волосах, на кителе которой алела нашивка генерала Российской космической корпорации. Пожилой мужчина в безупречном, словно вылитом на нем, костюме — официальный представитель Соединенных Штатов. И третий — молодой китаец в военной форме, лишенной любых знаков различия, отчего его присутствие казалось еще более зловещим.

Генерал, Ирина Сергеевна, задумчиво провела пальцем по ободку стакана, собирая прозрачные бисеринки конденсата.

— Два года, — произнесла она, не поднимая взгляда от стола. — Два года мы топчемся на одном месте. И каждый раз вопрос упирается в одно и то же: что именно мы, черт возьми, отправляем на Луну?

Доктор Нил Харрисон, американец, устало потер переносицу. Под глазами у него залегли глубокие тени.

— Ирина, все давно утверждено. Стандартный биологический набор для исследований. Образцы тканей, клеточные линии, законсервированные генетические последовательности. Абсолютный стандарт для любого био-модуля. Вы это знаете.

— Тогда объясните мне, — голос генерала стал суше и жестче, — почему для этого «стандартного набора» требуется тройной код доступа? И почему я до сих пор не получила полной спецификации?

Китаец, хранивший молчание, наконец подал голос. Говорил он тихо, но каждое слово врезалось в воздух, как стальной клинок.

— Потому что спецификация — это уязвимость, Ирина Сергеевна. Компрометация данных поставит весь проект «СтарМун» на грань катастрофы. — Он выдержал паузу, давая вес своим словам. — Вы знаете, что, кроме нас троих, на Земле лишь два человека посвящены в истинную цель груза. И они оба отправятся на станцию, чтобы работать с ним напрямую. Не забывайте о ЧИПе. Его интеллектуального контура достаточно для технической безопасности. Вся остальная информация — запечатана в коде.

Генерал откинулась на спинку стула, устремив взгляд в потолок, где переплетались кабели, точно нервные сплетения, и змеились вентиляционные шахты.

— Допустим. Но что, если рванет? У нас есть план «Эвакуация»? Мы сможем стереть станцию с лица спутника?

— У нас есть ЧИП, — ответил Харрисон. — Он — сторож, контролирующий все: климат, энергию, доступ, герметичность. При малейшей угрозе, если груз вырвется из-под контроля... — он сделал театральную паузу, — ЧИП активирует протокол «Китайская стена». Полная изоляция всех модулей, кроме аварийного убежища на двадцать мест. Этого хватит, чтобы сохранить команду, если... ну, вы понимаете, о чем я.

— А если ЧИП будет скомпрометирован? — Генерал в упор посмотрела на него.

— ЧИП запрограммирован, а не мыслящий. — Китаец позволил себе легкую, ледяную улыбку. — Мы не давали ему способности к рефлексии, только к исполнению. Идеальный тюремщик. Без амбиций, без страха.

Ирина Сергеевна нахмурилась, но промолчала. Она взяла злополучный лист, повертела его в пальцах, словно пытаясь извлечь из него скрытый смысл.

— И все же, к чему нам эта сотня с лишним колонистов? Учителя, врачи, агрономы... Мы там город собрались строить?

— Мы строим общество, — мягко поправил Харрисон. — Долгосрочный эксперимент, Ирина. Если «СтарМун» докажет свою состоятельность, через двадцать лет мы отправим туда тысячи. Но сначала — проверка. Как человек выживает в замкнутом коконе? Как распоряжается ресурсами? Как взаимодействует с искусственным интеллектом? Это не менее важно, чем... биологический компонент. Вы сами это прекрасно понимаете.

Генерал вздохнула, глубоко и устало, и вернула лист на стол, будто отпустила на волю птицу.

— Допустим. Но у меня будет еще одно условие.

— Слушаем, — кивнул китаец.

— На станции должен быть человек вне иерархии капитана. Тот, кто имеет право блокировать доступ, применять силу и брать командование в экстренных ситуациях. Свой собственный шериф, если угодно.

Харрисон усмехнулся уголками губ:

— Кандидат уже утвержден. Бывший майор МВД России, Анна Лаврова. Она полетит как начальник службы безопасности. Формально — подчиняется капитану. Неформально... — он взглянул на китайца, — в ее инструкции есть особый пункт. При любой угрозе станции она имеет право действовать независимо, без оглядки на приказы.

— Она знает о грузе? — генерал прищурилась.

— Нет, — ответил китаец, и его голос стал глуше. — И не узнает. Никогда. Если только... — он не закончил, переведя взгляд на дверь, за которой стояла вооруженная охрана. — ...если не наступит момент, когда мы утратим над ней контроль.

В комнате воцарилась звенящая пауза. Слышно было лишь низкое гудение вентиляции да треск старого проектора на стене, транслирующего схему лунной базы: круглые модули, соединенные герметичными шлюзами, и в центре — исполинский купол, подписанный поэтичным и пугающим именем — «Купол жизни».

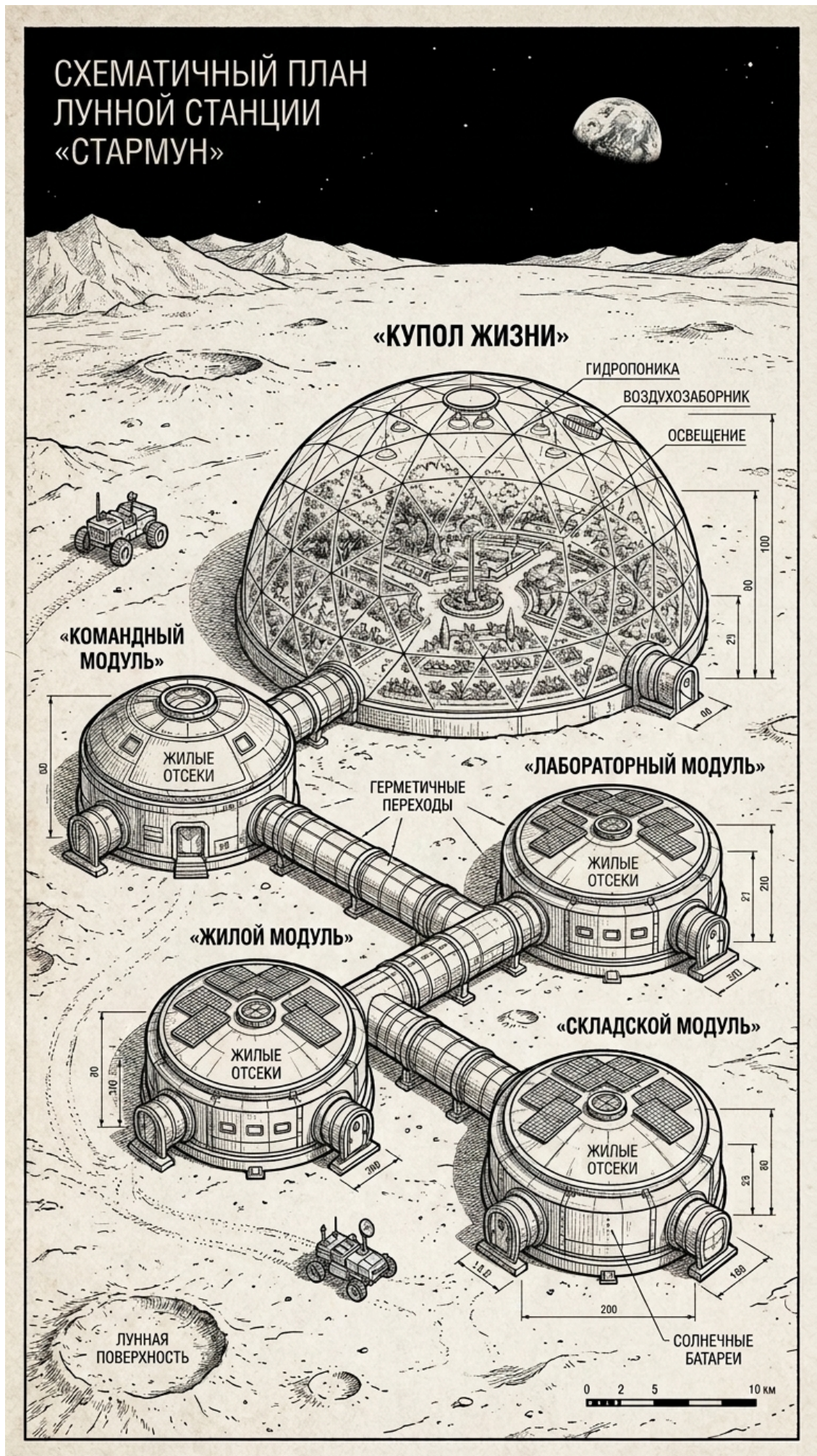
Генерал поднялась, поправила на плече китель и двинулась к выходу.

— Тогда запускайте. Через три месяца «СтарМун» примет первых колонистов. И давайте надеяться, что никому из нас не придется жалеть об этом решении.

Она вышла, не обернувшись. За ее спиной американец и китаец обменялись долгим, многозначительным взглядом, и Харрисон, понизив голос до шепота, оборонил:

— Мы не надеемся, Ирина. Мы вычисляем. Программа «Эдем» стартует в момент доставки груза.

Он щелкнул пультом, и проектор с мертвенным шипением погас. Комната утонула в густом, непроницаемом мраке, где прошлое, настоящее и будущее наконец слились воедино — перед лицом безмолвной Луны.

ГЛАВА 1

Космический корабль «Колумб-7». Трансфер Земля — Луна. 2150 год.

Анна Лаврова открыла глаза и несколько секунд неподвижно лежала, вглядываясь в потолок каюты — гладкую металлическую панель, по которой периодически пробегали тонкие линии синей подсветки. Эти линии были частью системы жизнеобеспечения: они показывали уровень кислорода, температуру и давление в реальном времени. Сейчас все показатели горели ровным цветом — штатный режим.

Тело ломило от привычной тяжести. Искусственная гравитация на «Колумбе» держалась на уровне 0,7 g - ровно столько, чтобы мышцы не атрофировались за пять месяцев полёта, но и не перегружать сердечно-сосудистую систему. Однако после сна всегда казалось, что на грудь положили бетонную плиту. Анна села, свесила ноги с койки и потёрла шею - старая пулевая травма, полученная ещё в 2143 году в Канаде, напомнила о себе тупой ноющей болью между лопаток. Тогда пуля застряла в миллиметре от позвоночника. Врачи сказали, что она родилась в рубашке. Анна тогда усмехнулась: «В бронежилете, доктор, в бронежилете».

Каюта была крошечной — как большинство помещений на корабле. Двухъярусная койка, встроенный шкафчик с её вещами, складной столик, который крепился к стене, и единственный иллюминатор размером с ладонь. За его бронированным стеклом простиралась абсолютная тьма, изредка нарушаемая далёкими точками звёзд. Они не мерцали — потому что атмосферы не было, и свет шёл прямо, холодный и равнодушный. Где-то там, в двухстах тысячах километров, висела Луна — их конечная цель, но с такого расстояния она была невидима.

Анна включила панель управления. Экран засветился мягким голубоватым светом, и раздался спокойный, чуть механический голос с едва заметными нотками эмпатии, которые разработчики добавили, чтобы ИИ не казался бездушным:

— Доброе утро, шериф Лаврова. Ваш сон составил 8 часов 12 минут. Пульс — 64 удара в минуту, давление — 118 на 75. Уровень кортизола в норме. Рекомендую завтрак в общем отсеке. Сегодняшнее меню: синтетический омлет с зеленью, кофеиновая добавка, витаминный комплекс.

— Спасибо, ЧИП, — сказала Анна, разминая пальцы. — Какие новости с Луны?

— *Капитан Чан Хэ подтвердил готовность приёма. Станция функционирует штатно. Температура в жилых модулях — 22,4°C, влажность — 45%, давление — 101,3 кПа. Купол жизни активен, система ирригации протестирована. Психологическое состояние команды — стабильное, за исключением учёного Аносова, у которого зафиксированы периодические нарушения сна. Причина не установлена.*

— А как они вообще там? — спросила Анна, имея в виду команду, уже несколько месяцев обитавшую на «СтарМуне». — Не жалуются на одиночество?

— *Капитан Чан Хэ, старший помощник Сара Сабински и учёный Григорий Аносов находятся на станции с 1 февраля. Согласно их отчётам, они адаптировались к среде. Однако Григорий Аносов отмечает повышенную тревожность, связанную с предстоящим прибытием груза. Капитан Чан Хэ расценивает это как профессиональное волнение.*

Анна нахмурилась. Слово «груз» всплывало в отчётах ЧИПа слишком часто, но её допуск к деталям был ограничен. Она знала только, что в трюме «Колумба», в специальном изолированном отсеке, находится герметичный контейнер, который требует строгого температурного режима и биологической защиты. На вопрос о его содержимом ЧИП отвечал стандартной фразой: «Информация засекречена по решению межгосударственной комиссии». Анна не любила секретов. За годы работы в МВД она усвоила: секреты убивают. Но сейчас она была не майором полиции, а шерифом лунного городка — и её задача заключалась в том, чтобы обеспечить порядок, а не расследовать заговоры.

Она встала, размяла плечи и натянула тёмно-синий комбинезон службы безопасности. На груди была нашивка с золотой звездой — символ её должности. На поясе, в специальной кобуре из углеродного волокна, висело её главное оружие — магнитный пистолет модели «Рейл-9». Компактный, всего 20 сантиметров в длину, но смертоносный: он разгонял металлический снаряд до 1200 метров в секунду с помощью электромагнитных катушек. В аварийном сейфе в её каюте хранился и автомат — «Шторм-М», с тем же принципом ускорения, но с большей ёмкостью магазина и возможностью вести автоматический огонь. Она проверила, что оружие заряжено и заблокировано от случайного выстрела, и вышла в коридор.

Корабль «Колумб-7» — или, если читать по бронированному боку, выведенный зеркальной краской «COLUMBUS-7» — не был просто транспортным средством. Это был плавучий город, ковчег, созданный для десятилетий пути. Гигантский цилиндр длиной в триста двадцать метров и диаметром в шестьдесят, он медленно вращался вокруг своей оси, создавая иллюзию земного тяготения. Внешняя обшивка, собранная из многослойных панелей, напоминала чешую древнего левиафана — каждый слой защищал от микрометеоритов и жесткого излучения, а на самом видном месте, у шлюзового отсека, сияли два названия: одно — для звездных карт Земли, другое — для русского сектора экипажа.

Внутри корабль пронизывали пять основных палуб, соединенных вертикальными шахтами, где бесшумно скользили магнитные лифты. Коридоры были на удивление просторны — их гладкие композитные стены мягко отражали теплое свечение тысяч диодных лент, создавая ощущение залитого светом тоннеля. Вдоль стен, на высоте пояса, тянулись поручни — молчаливое напоминание о том, что гравитация здесь всего лишь гостья, а не хозяйка. В случае отключения роторных двигателей люди могли бы передвигаться, отталкиваясь руками, словно акробаты в невесомости. Под ногами пружинило упругое покрытие, гасящее низкочастотный гул работающих реакторов. А воздух — озон, переработанный кислород и едва уловимая сладость синтетической пищи — был тем самым неизменным запахом, которым пахнут все долгие космические рейсы: запахом пути, конца которому не видно.

Здесь, внутри этого стального чрева, люди жили, работали, спали и ждали. Ждали прибытия. Ждали новой жизни. Или, как некоторые шептались, ждали конца.

Анна прошла в общий отсек — огромное помещение размером с футбольное поле, где размещались столовые, зоны отдыха и тренажёры. Здесь уже было несколько десятков коло-

нистов. Они сидели за длинными столами, пили синтетический кофе, читали планшеты, переговаривались. В микронаушнике, который Анна носила постоянно — крошечное устройство, вживлённое в ушной канал, — работал автоматический переводчик. Он переводил речь в реальном времени, накладывая поверх оригинального голоса тихий синхронный перевод. Анна слышала обрывки фраз на разных языках, мгновенно превращающиеся в понятный русский:

— ...а ты слышал, что на станции уже есть библиотека? Говорят, там больше тысячи книг! — это говорил молодой парень лет двадцати, с горящими глазами, явно энтузиаст.

— ...я оставила дочь с матерью. Она плакала, когда я уходила. — это женщина средних лет, с уставшим лицом, говорила почти шёпотом.

— ...работать в теплице на Луне? Это же мечта! Я агроном, я знаю, как выращивать помидоры в замкнутом пространстве! — это был пожилой мужчина с седой бородой, который жестикомировал так активно, что чуть не опрокинул стакан.

Анна присела за свободный стол. Почти сразу к ней подошёл доктор Раджеш Кумар — полноватый мужчина лет сорока пяти, с озабоченным лицом и тёмными кругами под глазами. На его бейдже было написано: «Медицинский сотрудник, доктор медицины». Он говорил с лёгким индийским акцентом, который переводчик делал почти невидимым.

— Шериф Лаврова, — начал он, присаживаясь напротив, — я хотел бы обсудить карантинные меры после посадки. Ваши инструкции предусматривают изоляцию всех колонистов на трое суток, но это создаст серьёзное психологическое напряжение. Люди и так провели пять месяцев в замкнутом пространстве, а теперь вы хотите запереть их ещё на три дня!

Анна посмотрела на него холодным взглядом.

— Доктор, мы везём 150 человек на станцию, где нет изолятора на такое количество пациентов. Если кто-то подхватит инфекцию на борту, мы не сможем её локализовать. На Луне нет больницы, нет резервного кислорода, нет возможности сделать экспресс-тест каждому. Поэтому три дня карантина — это минимум. Обсуждение закрыто.

Кумар поморщился, нервно теребя свой смарт-браслет.

— Но у нас есть данные, что психологические расстройства в изоляции могут проявиться уже на вторые сутки! У меня есть исследования!

— Доктор, — Анна чуть смягчила голос, — я понимаю ваши опасения. Но безопасность — это мой приоритет. Если вы хотите помочь — подготовьте план психологической поддержки на эти три дня. Групповые занятия, медитации, что угодно. Но карантин останется.

Кумар вздохнул, кивнул и отошёл, бормоча что-то про «негибкость военных». Анна мысленно поставила галочку: «требуется контроль, но в целом не опасен».

Она оглядела зал. Колонисты были разными: молодые и пожилые, семейные и одиночки, оптимисты и пессимисты. Она заметила женщину с маленьким ребёнком на руках — та сидела отдельно, пряча лицо. Анна запомнила её, решив, что позже нужно будет поговорить с ней, проверить эмоциональное состояние. Среди пассажиров были учителя, врачи, инженеры, агрономы, повара, психологи — все те, кто должен был создать на Луне функционирующее общество.

В этот момент динамики ожили, и голос ЧИПа разнёсся по залу:

— Внимание, экипаж и пассажиры «Колумба-7». Через 15 минут — сеанс видеосвязи с лунной станцией «СтарМун». Капитан Чан Хэ и старший помощник Сара Сабински проведут брифинг по процедуре высадки. Явка строго обязательна для всех руководителей секторов и служб безопасности.

Анна поднялась и направилась в кают-компанию — специально оборудованное помещение с голографическим экраном и креслами, которые могли вращаться на 360 градусов и фиксироваться в любом положении. Когда она вошла, несколько ключевых членов экипажа уже были на месте. Она кивнула им и заняла своё кресло.

Через минуту экран засветился. На нём появилось изображение небольшого конференц-зала на лунной станции. Трое людей сидели за столом, позади них была стеклянная стена, за которой виднелись серые лунные пейзажи — пыльные кратеры и далёкие горизонты.

Седой мужчина с волевыми чертами лица, в форме с нашивкой «СтарМун» на груди, посмотрел в камеру и заговорил. Голос у него был низкий, чуть хриплый — от долгого пребывания в сухом воздухе станции.

— Доброе утро, «Колумб-7». Я — капитан Чан Хэ. — Он сделал паузу, давая переводчику отработать. — Мы приветствуем вас на борту лунной станции «СтарМун», хотя формально вы ещё в пути. Через семь дней, если расчёты ЧИПа верны, вы войдёте в гравитационное поле Луны и начнёте торможение.

На экране сменилось изображение — схема станции с тремя основными секторами и большим куполом.

— Позвольте подробно объяснить, как вас встретят. После посадки корабль состыкуется с основным шлюзовым модулем. Все пассажиры пройдут через дезинфекционный тоннель — это займёт около десяти минут на каждого. Затем вы будете распределены по трём секторам: А, В и С. В каждом секторе — жилые модули которые предусматривают размещение более чем на 50 человек, общие столовые и санитарные блоки.

Голограмма показала внутренние помещения: компактные, но уютные каюты, похожие на те, что были на «Колумбе», но с чуть большим пространством и нормальной гравитацией.

— Первые трое суток вы проведёте в карантине, — продолжил капитан. — Это обязательное условие для всех прибывающих. В это время наши врачи проведут полное медицинское обследование. Никаких контактов между секторами не будет. Это для вашей же безопасности.

Анна заметила, как капитан едва заметно переглянулся с учёным Григорием Аносовым. Тот сидел по правую руку от капитана, бледный, с тёмными кругами под глазами, с очками с затемнёнными линзами, которые он носил для защиты от яркого света — даже в помещении.

— После карантина, — продолжал Чан Хэ, — вы начнёте адаптацию. Мы покажем вам станцию, расскажем о правилах поведения и расписании. У каждого из вас есть своя роль, и мы рассчитываем, что вы будете её выполнять добросовестно. Старший помощник Сара Сабински, — он кивнул в сторону женщины с холодным взглядом, — ответит на все вопросы по логистике и быту.

Сара поднялась и заговорила чётко, как будто зачитывала инструкцию:

— Вода и пища — в достатке. У нас есть запасы на три года, плюс система гидропоники в куполе даст свежие овощи и зелень через два месяца. Энергия — от солнечных панелей и мини-реактора, который обеспечит станцию электричеством в течение десяти лет. Так что техническая часть вопроса решена. Ваша задача — адаптироваться, работать и строить общество.

Она говорила уверенно, но Анна заметила, как она нервно сжимает пальцы — явный признак того, что она что-то недоговаривает. Анна взглядела в лицо Сары: высокая, светло-волосая, с острыми скулами и пронзительными глазами, одетая в тёмно-синий комбинезон без знаков отличия. По виду — бывшая военная. Анна мысленно поставила галочку: «знает больше, чем говорит».

Затем капитан снова взял слово.

— Шериф Лаврова, — обратился он к Анне, — ваша задача — обеспечить порядок во время высадки и первые дни карантина. Мы ожидаем, что колонисты могут испытывать стресс. Если возникнут конфликты — вы имеете полномочия применять силу в рамках регламента. Кроме того, — он сделал паузу, — вы будете ответственны за доступ к грузовому отсеку. Григорий Аносов встретит груз лично. Вам необходимо сопроводить контейнер из шлюза в сектор D.

Анна нахмурилась.

— Капитан, я хотела бы уточнить: почему груз изолирован от остальной станции? И почему я не имею доступа к его содержимому?

Чан Хэ вздохнул. Она видела, как он ищет слова.

— Это вопрос международной безопасности, шериф. Груз содержит биологические образцы, которые могут быть нестабильны при резких перепадах температуры. Мы не хотим рисковать колонистами. Это всё, что я могу вам сказать на данный момент.

— Понимаю, — ответила Анна, хотя на самом деле не понимала ничего. Она чувствовала, что за этим кроется что-то большее, чем просто «биологические образцы». Но сейчас не время было спорить.

Сара добавила:

— После карантина мы проведём общее собрание, где вы познакомитесь со своей командой. А пока рекомендую изучить схемы станции и маршруты эвакуации. ЧИП передаст вам доступ к полной документации.

Сеанс связи завершился. Экран погас, и кают-компания погрузилась в полумрак. Анна осталась сидеть в кресле, глядя на тёмный экран. Она чувствовала, как внутри неё нарастает тревога, смешанная с предвкушением.

Она вышла в коридор и остановилась у иллюминатора. Отсюда она уже могла видеть Луну — сероватый шар, на котором были заметны тени кратеров. Он казался пустынным и холодным, но там, на его поверхности, её ждали новые вызовы.

Анна провела пальцами по рукояти магнитного пистолета, проверяя, что он всё ещё при ней. Она не знала, что ей предстоит пережить в ближайшие дни. Но она знала одно: она готова защитить этих людей — даже если они сами не подозревают, от чего именно.

ГЛАВА 2

Капитан Чан Хэ проснулся за две минуты до будильника. Так было всегда — за десятилетия работы в космосе его внутренние часы стали точнее любых хронометров. Он открыл глаза и несколько секунд лежал неподвижно, привыкая к серому полумраку каюты.

Каюта капитана была немногим больше, чем у обычных колонистов, — те же 12 квадратных метров, та же двухъярусная койка (он спал на нижней, верхняя служила для хранения), тот же иллюминатор. Но из этого окна открывался вид, который не видел ни один из 150 пассажиров «Колумба». За толстым стеклом, покрытым слоем лунной пыли, простиралась поверхность спутника Земли — бескрайняя серая равнина, изрезанная кратерами и трещинами, уходящая к чёрному горизонту. Вдалеке, в сторону южного полюса, виднелись солнечные панели — они медленно поворачивались, отслеживая движение светила. Солнце здесь светило по-другому: резкое, без атмосферного рассеивания, оно оставляло чёткие границы света и тени.

Чан Хэ сел, потёр лицо ладонями. Воздух в каюте был сухим, с лёгким металлическим привкусом — так пахнет регенерированная атмосфера после сотен циклов очистки. Он включил панель управления, и голос ЧИПа раздался мягко, но с привычной бодростью:

— Доброе утро, капитан. Ваш сон составил 6 часов 47 минут. Пульс — 58 ударов в минуту, давление — 120 на 75. Станция функционирует штатно. Отклонений нет.

— Доброе утро, ЧИП, — ответил капитан, вставая и начиная разминку. Он делал упражнения каждое утро — в условиях пониженной гравитации (0,16 g на Луне) мышцы теряли тонус быстрее, чем на Земле. — Какой сегодня график?

— В 07:30 — проверка систем жизнеобеспечения сектора А. В 09:00 — совещание с инженерами по подготовке иллюза к стыковке. В 11:00 — сеанс связи с «Колумбом-7». В 14:00 — осмотр купола жизни. В 18:00 — ужин с командой. Рекомендую выделить время для беседы с Григорием Аносовым. Его психологическое состояние вызывает вопросы.

Чан Хэ нахмурился. В последние недели учёный действительно выглядел всё более тревожным. Он почти не выходил из лаборатории, спал урывками и постоянно что-то записывал.

Капитан знал, что груз, который везёт «Колумб», — это нечто большее, чем просто биологические образцы. Но детали ему были не известны — только общие контуры, которые передал лично президент России на закрытой встрече перед стартом. «Ты узнаешь всё, когда это станет необходимо», — сказал он тогда. Чан Хэ не любил тайн, но подчинялся приказу.

Он оделся — лёгкий комбинезон с нашивкой «СтарМун» — и вышел из каюты. Коридоры станции были широкими, около трёх метров в высоту и двух в ширину. Их стены были покрыты панелями из композитного материала, похожего на тёмно-серый камень, но на ощупь гладкого и тёплого. Вдоль потолка тянулись кабели и трубопроводы, аккуратно упакованные в защитные кожухи. Каждые десять метров висели аварийные датчики, которые мигали зелёным — штатный режим.

Капитан прошёл в центральный узел — круглый зал диаметром двадцать метров, от которого радиально отходили переходы ко всем секторам. Здесь было людно: несколько инженеров уже работали за пультами, проверяя показатели. Когда они увидели капитана, один из них, высокий мужчина с рыжей бородой, окликнул его:

— Капитан Чан! Вы слышали новости? «Колумб» вышел на финишную траекторию — и мы скоро принимаем гостей!

Это был Олаф Йенсен, главный инженер по энергетике, норвежец, сорока пяти лет, с характерным спокойствием северянина, которое сейчас разбивалось о волнение. Он был на станции с самого начала — с февраля, как и капитан.

— Я в курсе, Олаф, — кивнул Чан Хэ. — Все системы готовы?

— Абсолютно, — ответил инженер, разворачивая голографическую схему. — Реактор выдаёт 110% от расчётной мощности, солнечные панели обслужены, системы регенерации воздуха и воды функционируют без сбоев. Шлюзовой модуль проверен трижды. Мы готовы хоть завтра.

— Хорошо. А как настроение у команды? — капитан обвёл взглядом зал, где ещё несколько инженеров работали за терминалами.

— Оживление, капитан, — усмехнулся Олаф. — Мы тут почти полгода видим только друг друга. Люди устали от однообразия. Новые лица — это глоток свежего воздуха. Или, точнее, свежего кислорода. — Он засмеялся своей шутке.

Чан Хэ позволил себе лёгкую улыбку. Он знал, что инженеры — лучшие специалисты, отобранные со всего мира. Всего на станции сейчас работало двадцать инженеров, каждый отвечал за свою систему. Капитан взял планшет на котором отображались имена сотрудников которые сегодня были на смене:

Лейла Хасан, 39 лет, из Египта, главный системный администратор, отвечающая за работу ЧИПа и связь.

Хироши Танака, 44 года, из Японии, специалист по робототехнике и 3D-печати.

Виктор Коваленко, 51 год, из Украины, старший механик по герметизации и модулям.

Ева Мюллер, 37 лет, из Германии, инженер по системам жизнеобеспечения.

Мигель Родригес, 42 года, из Мексики, куратор купола жизни и агротехнологий.

И ещё пятнадцать других, из разных стран: Италии, Австралии, Бразилии, Индии, Южной Кореи.

Они жили на станции уже несколько месяцев, и их работа поддерживала жизнь «СтарМуна». Без них модули не получали бы энергию, воздух не очищался бы, вода не перерабатывалась бы бесконечным циклом.

Чан Хэ подошёл к одной из панелей управления, где работала Лейла Хасан. Она была сосредоточена, её тонкие пальцы бегали по сенсорной клавиатуре.

— Лейла, как связь с «Колумбом»?

— Стабильная, капитан, — ответила она, не отрываясь от экрана. — Задержка сигнала — 1,2 секунды. ЧИП передаёт телеметрию, всё в норме. Кстати, шериф Лаврова запрашивала

дополнительные данные о станции. Она хочет подробную схему эвакуационных маршрутов. Я переслала ей актуальные файлы.

— Хорошо. Она человек дотошный, это правильно.

— Согласна, — улыбнулась Лейла. — Мне нравится, что она не полагается на авось.

Капитан прошёл дальше, к переходу, ведущему в сектор D — изолированный модуль, куда должен был быть направлен груз. Он остановился перед герметичной дверью, закрытой на кодовый замок, и приложил ладонь к сканеру. Дверь бесшумно открылась, и он вошёл.

Сектор D был небольшим — всего пять комнат: две лаборатории, склад, холодильный отсек и шлюз для приёма груза. Здесь было прохладно — около 10°C, воздух пах антисептиками. На стене висел плакат с предупреждением: «Работа с биологическими материалами. Обязательны средства защиты». Григорий Аносов стоял у лабораторного стола, склонившись над микроскопом. Он был в белом халате, с защитными очками на лбу. Услышав шаги, он поднял голову и вздрогнул.

— Капитан! Я не ожидал вас так рано.

— Доброе утро, Григорий. — Чан Хэ подошёл ближе. — Хотел проверить, как идут приготовления.

— Всё готово, — учёный нервно поправил очки. — Контейнер будет помещён в холодильный отсек сразу после разгрузки. Я проведу первичный анализ в течение суток. Всё по протоколу.

Чан Хэ посмотрел на него внимательно.

— Ты хорошо выглядишь, Григорий. Но ЧИП отметил твои нарушения сна. Я беспокоюсь о твоём состоянии.

— Всё нормально, — слишком быстро ответил Аносов. — Просто переживаю за эксперимент. Мы ждали этот груз несколько месяцев, и я хочу, чтобы всё прошло идеально. Ничего больше.

Капитан знал, что это неправда. Но он не стал настаивать. Он просто кивнул:

— Если тебе понадобится помощь — обращайся. Мы одна команда.

— Спасибо, капитан.

Чан Хэ вышел из сектора D и направился к куполу жизни. Он шёл по переходу, который соединял основной модуль с теплицей. Это был длинный тоннель с прозрачными стенами, откуда открывался захватывающий вид на лунный пейзаж. Солнце висело низко над горизонтом, отбрасывая длинные тени от кратеров. Тишина здесь была абсолютной — шаги заглушались мягким покрытием, и только собственное дыхание нарушало безмолвие.

Купол представлял собой гигантскую полусферу из сверхпрочного стеклопласта, покрытую тонкой плёнкой для регулирования температуры. Внутри было светло — работали лампы искусственного освещения, имитирующие солнечный спектр. Капитан уже видел его не раз, но каждый раз, когда он стоял здесь, масштаб поражал. Ряды стеллажей с рассадой, трубы капельного полива, датчики влажности, роботизированные руки для прополки — всё это создавало футуристический сад на поверхности мёртвого спутника.

Здесь работал Мигель Родригес — крепкий мужчина с загорелой кожей и усами, одетый в лёгкий комбинезон. Он улыбнулся, когда увидел капитана.

— Капитан! Я как раз проверял систему полива. Через неделю, когда колонисты придут, мы устроим им зелёный сюрприз! — он широко развёл руки, показывая на ряды ростков.

— Прекрасно, Мигель, — Чан Хэ улыбнулся. — Как себя чувствуют твои подопечные?

— Ещё бы знали, какая это честь — быть первыми овощами на Луне! — Мигель засмеялся. — Но, если серьёзно, система идёт с опережением. Первый урожай салата и помидоров будет совсем скоро.

Капитан похвалил его и пошёл дальше. В его ухе заработал коммуникатор — это была Сара Сабински, старший помощник.

— Капитан, я заканчиваю проверку систем регенерации. Всё в норме. Прибыл отчёт с «Колумба» — все колонисты здоровы, психологическое состояние в пределах нормы. Но есть один момент.

— Какой?

— Анна Лаврова запросила допуск к сектору D. Я отклонила, согласно инструкции. Но она настойчива.

Чан Хэ вздохнул. Он знал, что шериф — не та женщина, которая удовлетворится полуправдой.

— Я сам поговорю с ней, когда она придёт. Пока что — действуем по плану. Собери всех инженеров в центральном узле через двадцать минут. Проведём короткое совещание по встрече.

— Будет сделано.

Через двадцать минут в центральном узле собрались все двадцать инженеров. Они стояли полукругом, смотря на голографический экран, где ЧИП отображал схему стыковки. Капитан поднял руку, призывая к тишине.

— Друзья, — начал он, — мы принимаем «Колумб-7». Это событие, которое мы ждали с самого начала. Вы все знаете свои задачи. Я прошу вас проявлять максимальное внимание и терпение. Колонисты пережили пять месяцев в замкнутом пространстве, они будут взволнованы и уставши. Наша задача — сделать так, чтобы их первая неделя на станции прошла гладко.

— Капитан! — поднял руку Виктор Коваленко, старший механик. — А мы сможем с ними общаться? Многие из нас хотят познакомиться с ними, рассказать о станции. Мы тут уже полгода, хочется новых лиц.

— Конечно, — ответил Чан Хэ. — После карантина, если позволит их состояние. Вы все — лицо «СтарМуна». Вы лучшие. Я верю, что вы создадите тёплую атмосферу.

Инженеры заулыбались, начали переговариваться. Кто-то предложил устроить приветственный концерт, кто-то — экскурсии по куполу. Капитан смотрел на них и чувствовал гордость. Эти люди делали невозможное — строили новую жизнь на пустом месте.

Но внутри него шевелился червячок тревоги. Сектор D, груз, взволнованный Аносов — что-то надвигалось. Он не мог объяснить это словами, но он чувствовал — как старый военный, который знает, что затишье перед бурей всегда обманчиво.

Он перевёл взгляд на иллюминатор, за которым простиралась пустота космоса. Где-то там, приближаясь, летел «Колумб-7» — и все они, и колонисты, и инженеры, и капитан, были на пороге чего-то, что навсегда изменит их жизнь.

Он сжал кулаки.

— ЧИП, — сказал он тихо, так чтобы никто не услышал, — проверь ещё раз все системы сектора D. Особенно биологическую защиту.

— *Выполняется, капитан. Системы герметичны. Рекомендую усилить контроль доступа.*

— Сделай.

Он отвернулся от экрана и вышел из зала, оставляя инженеров в их волнении и предвкушении. В коридоре он встретил Сару Сабински.

— Сара, — сказал он, — я хочу, чтобы ты и Григорий встретили груз лично. И никаких посторонних. Даже шериф не должна вмешиваться в разгрузку.

— Думаешь, она будет мешать?

— Нет. Но она слишком умна и наблюдательна. Чем меньше она увидит, тем лучше — пока не придёт время.

Сара кивнула, и капитан увидел в её глазах ту же тревогу, что и у него.

— Мы справимся, — сказала она тихо, словно убеждая себя.

— Надеюсь, — ответил Чан Хэ и направился в свою каюту, чтобы подготовить отчёт для Земли.

ГЛАВА 3

Анна стояла у большого панорамного иллюминатора космического корабля «Колумб-7», в общем отсеке, глядя на приближающийся серый диск. Луна занимала уже почти половину обзора — её поверхность была испещрена кратерами, трещинами и тёмными пятнами морей, которые казались застывшими лужами застывшей лавы. Солнечные лучи падали на поверхность под острым углом, выхватывая из темноты острые гребни гор и длинные, тянущиеся на километры тени. Огромный серый шар висел в черноте космоса, как молчаливый страж, готовый принять новых обитателей. Он казался мёртвым, безжизненным, но где-то там, в одном из кратеров, пряталась «СтарМун» — маленькая искорка человеческой надежды среди ледяной пустоты.

Вокруг царило оживление. Колонисты собирались группами, перешёптывались, показывали пальцами на иллюминаторы. Дети прижимались к стёклам, широко раскрыв глаза, пытаясь разглядеть хотя бы очертания будущего дома. Кто-то снимал на планшеты, чтобы отправить на Землю — «первый взгляд на новый дом». В воздухе витал запах адреналина и предвкушения, смешанный с синтетическим кислородом — у каждого было своё ожидание, своя надежда.

Анна отошла от иллюминатора и села за свободный стол в дальнем углу общего отсека. Через минуту к ней присоединилась Ирина Степашина — её сослуживица, а теперь и единственная подруга на этом корабле, на этой миссии, в этой новой жизни.

Ирина была высокой, чуть выше Анны, с широкими плечами и уверенной осанкой. Её короткая пепельная стрижка была слегка небрежной — она никогда не придавала значения причёске, особенно в последние пять месяцев. Глубокие серые глаза смотрели на мир спокойно, но в их глубине всегда таилась лёгкая искорка, которая появлялась только в разговоре с близкими. На лбу, чуть выше правой брови, виднелся тонкий шрам — память о Торонто, когда осколок стекла рассек ей кожу.

Тогда она даже не заметила, слишком сосредоточенная на спасении Анны. На левом плече, под комбинезоном, прятался ещё один шрам — след от пули, которая прошла навылет во время той же миссии. Ирина никогда не жаловалась на боль.

Она носила стандартный медицинский комбинезон белого цвета с эмблемой красного креста на груди и нашивкой «СтарМун» на рукаве. Но даже в этой униформе чувствовалась военная выправка: плечи расправлены, подбородок чуть приподнят, взгляд всё время сканирует пространство — привычка, от которой не избавиться за десятилетия службы. Её руки, сильные и в то же время невероятно нежные, привыкли к скальпелю и лазерному скальпелю, к наложению швов и перевязок, к тому, чтобы держать жизнь на тонкой грани смерти.

— Ну что, командирша, — Ирина усмехнулась, подвинув к Анне стакан с синтетическим соком. — Видок у тебя, как у меня перед первой операцией в полевых условиях. Расслабься, мы почти прилетели. Скоро ступим на поверхность. Ты готова?

— Легко тебе говорить, — ответила Анна, принимая стакан, но не отпивая. — Ты всегда спокойна, даже когда в тебя стреляют. Или, когда оперируешь без наркоза и света.

— А ты всегда в напряжении, даже когда чай пьёшь. — Ирина покачала головой, но в её глазах мелькнула тёплая улыбка. — Ты помнишь, как мы встретились?

— Четырнадцать лет назад, — Анна улыбнулась, отпив сока. — Я тогда только пришла в отряд специального назначения, а ты уже считалась легендой. Мне сказали: «Держись от Степашиной подальше, она сумасшедшая». А ты пришла ко мне в первый же день и сказала: «Слушай, новенькая, если хочешь выжить, не суйся впереди меня. Я люблю быть первой под пули».

Ирина расхохоталась — низким, хрипловатым смехом, который всегда появлялся у неё, когда она вспоминала старые времена.

— И ты, дура, послушалась! Через неделю мы уже сидели в баре и рассказывали друг другу о своих бывших, а через месяц — я уже тогда поняла, что ты будешь крестной моего сына, если я когда-нибудь решусь на ребёнка.

Анна положила ладонь на руку Ирины. Она помнила тот день, когда Ирина стояла перед ней, держа на руках крошечного мальчика с чёрными волосами и удивительно серьёзным взглядом.

— Помнишь, как ты назвала его Данилой? — спросила Анна. — Ты сказала: «Пусть будет Даниил. Как ангел, который нас охранял в Торонто».

— Ты предложила это имя, — поправила Ирина. — Я только согласилась. И знаешь, ты была права. Он действительно ангел. Когда я улетала, он сказал: «Мама, не плачь, я буду ждать тебя. И тётя Аня обещала прислать мне лунный камень». — Голос Ирины дрогнул. Она опустила голову и сжала пальцы в кулак.

Анна накрыла её руку своей.

— Я обещала, что мы пришлём ему камень. И фотографию с кратера. И видеописьмо, где я скажу ему, какая его мама героиня. Мы сделаем это, Ира.

Ирина подняла голову. Глаза её блестели, но она улыбнулась.

— Знаешь, Анна, только ты умеешь говорить так, что я верю в лучшее. Даже когда вокруг ад.

— Потому что я тоже верю, — ответила Анна. — И потому что я знаю: мы вместе это переживём. Мы всегда переживали.

Она замолчала, вспоминая семью, на Земле остались — её муж, Сергей, который работал в Министерстве внутренних дел России, и Даниил, их семилетний сын, который сейчас жил с бабушкой, так как Томара Степановна, бабашка Дани, не принимала отказов когда он не хотел ехать к ней на лето. Ирина отправилась в эту миссию добровольно, потому что верила: Луна — это шанс для всего человечества. И она не могла остаться в стороне. Анна понимала это, потому что сама чувствовала то же самое.

— А что Сергей сказал, когда ты решила лететь? — спросила Анна, хотя уже знала ответ.

— Сказал: «Ты сумасшедшая, но я тебя люблю. Лети, спасай мир, а я тут разберусь с сыном и собаками». — Ирина усмехнулась. — Он всегда был таким. Но я знаю, он скучает. Я получила от него письмо вчера — передали через ЧИПа. Он прислал фотографию Дани, где они вместе у мамы в бане. Дани уже вырос, он стал выше. И всё спрашивает, когда я вернусь.

Анна протянула планшет, который лежал на столе, и открыла сохранённое фото. На нём был мальчик с тёмными волосами и серьёзным, как у отца, выражением лица, сидевший на плечах у высокого мужчины. За ними расстилался огород с вишневыми деревьями и голубое небо. Анна смотрела на это изображение и чувствовала комок в горле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.